

Алан Асов

БАСИАТ

Кузни Булунгу

Алан Асов

БАСИАТ. КУЗНИ БУЛУНГУ

<https://litres.ru/73993241>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кавказ, XIV век. Средневековая Алания.

До вторжения Тамерлана — сорок лет.

Он был ветераном афганской войны, имамом и кузнецом. Умер в своей постели — а очнулся в теле мальчишки по имени Басиат. Здесь его народ ещё жив. Но через сорок лет придёт Тимур — и Алания падёт.

Чтобы выжить, мало владеть саблей. Нужно железо. Нужны люди, готовые идти за тобой. Нужна вера, способная сплотить крепче родовых уз.

Басиат начинает с кузницы своего отца. Но каждый выкованный клинок, каждый обученный друг, каждый шаг приближает его к цели, о которой нельзя говорить вслух: собрать силу, способную изменить ход истории.

Его путь — выбор между смирением и сопротивлением, долгом и правом на счастье.

Но однажды выбора не останется.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алан Асов

БАСИАТ. КУЗНИ БУЛУНГУ

*«Он теплом поселится в очаг, И в
груди вдруг станет так спокойно,
Ты ему навстречу сделай шаг, Чтобы
жить впоследствии достойно».*

М.Бечелов

Глава

ЧАСТЬ I. ГЛАВА I. ПРОБУЖДЕНИЕ

В ушах стоял ровный, тонкий писк — без ритма, без перепадов. Болело всё. Тело ощущалось чужим — тяжёлым и пустым, словно его долго били, а потом бросили. Это был вязкий кошмар: ты уже не спишь, но и не проснулся. Сознание застряло между. Сквозь писк начали проступать голоса. Сначала глухие, как сквозь воду. Я прислушался. Писк стихал. Голоса становились чётче. И тут я узнал речь — нашу, балкарскую. Но чище, старее. Такой речи я никогда не слышал — и всё равно это была моя речь. Женский голос. Будто знакомый. Мысль вспыхнула и оборвалась. Село у бабушки? Чушь. Бабушки нет уже тридцать лет. Злило, что не по-

лучается проснуться. Я словно завяз в раздражающей до бешенства трясине. Мой разум держало что-то липкое, не отпуская и пытаюсь поглотить меня целиком. Я напрягся. Из груди вырвался хриплый выдох. Что-то сдвинулось — реальность рванулась навстречу. Я разлепил веки — и зажмурился. Яркое пламя очага резануло по глазам. — Сынок! — голос совсем рядом. — Сынок мой ягнёнок мой Слава Тейри, ты очнулся! Тейри? Мысль мелькнула и исчезла. Я снова открыл глаза — медленнее. Свет всё ещё слепил, но терпимо. Перед глазами плыло, потом проступили очертания. Я лежал в доме из дикого камня. Низкий, сплошной потолок без щелей. Тяжёлые балки. В центре — очаг, закопчённый, с котлом на цепи. Вокруг — мешки, связки трав, деревянная утварь. Дом стоял на склоне — крыша одного дома служила двором для другого. Так здесь строили всегда. Рядом сидела молодая женщина. Обветренное лицо, большие голубые глаза. Смотрела с нежностью и тревогой. Так, будто боялась отвести взгляд. Мама Таубийче. Стоп. Таубийче? Но мою мать зовут Танзиля! Она что-то говорила взволнованно. Я слушал, пытался понять, но смысл слов от меня ускользал. Мысли вязли. Я попробовал пошевелиться. Рука дёрнулась. Я взглянул на неё — и похолодел. Тонкие, детские пальцы, чистая кожа. Что происходит?! Да как это? Какой дурной сон Мои руки, за шестьдесят один год, были другими: в мозолях от молота, со сбитыми костяшками — память о молодости, о борьбе, об Афгане. А это Нет, нет, нет! Я просто сплю! —

Тихо, — она положила ладонь мне на плечо. — Лежи. Её руки пахли дымом и хлебом — родной запах, из детства. Я закрыл глаза. Мысли казались подхваченными смерчем книгами. Вырываемые ветром страницы вращались по кругу, врезались в моё сознание, болезненно били по голове: Это мой дом. Это моя мать. И это и это не моя жизнь! Дверь распахнулась внутрь — со скрипом, тяжело. Шаги. Потом глухой стук — вошедший задвинул засов. Я не сразу понял, что это: сабля в деревянных ножнах легла поперёк двери, на железные упоры. — Ну что? — мужской голос. — Очнулся! Слава Тейри — дрогнувшим голосом ответила женщина. Опять это слово. Знакомое. Старое. Из разговоров стариков. Мужчина двинулся по комнате. Бурку снял у входа, повесил на колышек. Папаху снял медленно, двумя руками — под ней тёмно-русые волосы, заплетённые в косу на затылке. Поставил на полку рядом. Встал у очага. На поясе длинный нож. Голова ныла. Во рту сухо. — Воды, — сказал я. Голос вышел тонкий. Детский. Не мой. До меня дошло: произошло что-то серьёзное. Дыхание участилось. — Воды, — повторил тише. Женщина поднялась. Звякнула посуда. Послышался выдох. — Сейчас, сынок, уже несу! Сынок Слово отозвалось толчком: отрицание и согласие. Я — её сын. Но у меня есть и другая мать, уже пожилая, родная. А эта молодая женщина — тоже моя мать. Мой Аллах что происходит? Краешек чаши коснулся губ. Глиняная, тёплая, шершавая. Мои руки дрожали, и женщина придерживала чашу. Вода была холодной, с

привкусом камня и снега — настоящая горная, вкус детства. С первым глотком мир перестал плыть. Я схватил воздух и продолжил жадно пить, громко глотая. Открыл глаза. Стоявший у очага мужчина — высокий, широкоплечий, с аккуратной бородой и тяжёлым взглядом, поджав губы, смотрел молча, не отрывая глаз. Взгляд сурового горца-отца. Акбулат. Имя возникло само, и вместе с ним пришли чужие картинки памяти. Это мой отец. От этого внутри всё сжалось. — Говорит, — сказал он негромко. — Значит, вернулся. Он сделал короткий жест — перекрестился? У меня внутри всё оборвалось. Мой отец — мусульманин. Я знал это точно. А этот человек передо мной — тоже мой отец. И Он крестится. Сознание двоилось. Картинка дрожала, расплывалась. И снова — пронзительный писк. Я зажал уши и, не выдержав боли, запрокинул голову. Тело выгнулось. Из горла вырвался детский крик. Боль ударила изнутри — как в тот раз, после взрыва в Афгане. — Сынок, сынок! — голос женщины прорвался сквозь шум. — Тихо! Её руки прижимали меня к лежанке. Тёплые. Родные. Мужчина стоял, закусив губу и сжимая кулаки. Писк стихал. Судорога отпускала. Я тяжело дышал, чувствуя, как чужое тело подчиняется. Я бессильно закрыл глаза. В темноте пришло понимание: это не сон. Я здесь. Реальность дрогнула, стала двойной — и с щелчком схлопнулась. «Аллах всемогущ», — успел подумать я и провалился в спасительную темноту. Глубокой ночью я очнулся. Очаг сонно потрескивал. Рядом слышался ровный, тяжё-

лый храп отца. Я лежал с закрытыми глазами и слушал, как дышит дом. Он дышал спокойно. Мир замер и никуда не торопился. А я — наоборот. Мысли отчаянно метались. Нужно было за что-то зацепиться. Я чувствовал: если сейчас не вспомню, кто я — меня просто растворит в этом теле, в этих голосах, в этом чужом слове «сынок». Кто я? Я я уроженец Кабардино-Балкарской Республики. Балкарец. Мой дом — село Булунгу. Мне шестьдесят да, мне шестьдесят один год. Не без болячек, конечно, но крепкий ещё. После каждой молитвы отжимаюсь на кулаках — сотню. Не для показухи — чтобы тело не лгало духу. Да, да — так и есть! Это знание не требовало доказательств. Оно держало меня, как позвоночник. Я служил в ВДВ. Не ради романтики. Романтики там не было. Там был, как нам объясняли, «интернациональный долг». Были пыль, усталость, постоянное напряжение и страх. Не страх умереть вообще, хотя и это поначалу было. Но страх умереть быстро и некрасиво в чужой земле, так и не добравшись до противника. Страх, который сначала отрицаешь, потом принимаешь — и наконец, живёшь рядом с ним. Афганистан вошёл в меня не датами и сводками, а запахами, жаром, смертью сослуживцев и звоном в ушах после близкого разрыва. И острым, почти животным желанием выжить и ещё хоть раз увидеть родные скалы. Там меня и ранило. Тяжело. Из тех ранений, что оставляют человека живым, но уже другим. Пока лежал по госпиталям, война кончилась. Для страны — да. Для меня — нет. Вернулся в

родное село. С телом, которое пришлось заново учить жить, и с головой, полной вопросов. Афганистан стал толчком к вере. Не сразу. Сначала были только вопросы. Потом острая потребность в ответах. Не в утешениях, а в честных ответах, которые не разваливаются перед сном. Я, в прошлом убеждённый коммунист, стал задумываться о Боге. Размышлять о том, что Он есть для меня, чего я хочу от Него и чего Он ожидает от меня. В итоге уехал учиться в Медину. Учился долго и серьёзно. Жажда знаний и правды захватили меня. Я больше не мог и не хотел жить во лжи. Ни с собой, ни с Богом. После возвращения десять лет был имамом в родном селе. Старики просили, я отказывался, но больше было некому. Так я и занял этот пост. Мирил соседей, хоронил стариков, женил и выдавал замуж внуков тех, с кем когда-то играл в детстве. Когда понял, что появился человек более образованный и более достойный, передал ему ответственность. С облегчением. Потом встал простой и тяжёлый вопрос: на что жить. Зарплата от духовного управления была смешной. Люди помогали от сердца — кто овец привезёт, кто трактор одолжит. Но жить нужно было на своё. Я пришёл в ремесло. Сначала — кожа. Упорная работа и терпение. Потом — металл. Кузнечное дело втянуло глубже, чем я ожидал. Изучал термообработку, интересовался металлургией. Ночами сидел над учебниками, конспектировал, составил даже свой — только для себя. Мне было важно понимать: почему что-то работает, а что-то — просто леген-

ды. Благодаря друзьям был доступ к оборудованию. Изучал, сравнивал, проверял. Годы ушли на эксперименты. Результаты выкладывал в сеть — мало ли кому пригодится. Потом меня стали называть народным мастером. Я к этому не стремился. Просто делал своё дело честно и с любовью. Нравилось мне кузнечное дело. Переписывался даже с зарубежными авторами, делился мыслями. Некоторые даже приезжали в гости, жили у меня. В молодости был мастером спорта по самбо. Чемпионом армейских соревнований. Всегда держал форму. Крепкий был. Но говорить об этом не любил. Скромность — не поза, а привычка. Прослыть хвастуном в горах — позор. Я знал, кто я. Знал — до этого момента. Открыл глаза. Да, всё это — правда. Но не здесь. Я поднёс руки к лицу — в свете очага детские ручонки ломали реальность. Ни мозолей кузнеца, ни сбитых костяшек самбиста. «Как такое возможно?» — билось в голове. Я вспомнил про голос. Он тоже детский. Я ощупал сначала лицо, затем и тело. Сердце бешено колотилось в груди. Как же так? Неужели это не сон? Что мне теперь делать? Мой Аллах, дай мне терпения принять то, что бы Ты ни ниспослал! Я сделал несколько быстрых вдохов и выдохнул весь воздух. Медленно сжал пальцы в кулак. Ногти впились в ладонь. Больно. Значит, всё-таки не сон. Где я? Кто я теперь? Как проснуться, если это всё же глубокий сон? Как вернуться, если это всё-таки реальность? И, кажется, впервые за всю жизнь я не знал, что делать дальше. Не знал — и просто провалился обратно в темноту.

ЧАСТЬ I. ГЛАВА II. УТРО

Проснулся я от запаха. Дыма, тёплого хлеба и чего-то молочного. Густого, домашнего — так пахнет утро в горах, когда дом и всё вокруг уже живёт, а ты будто опоздал — и главное уже началось. Глаза открылись сами. В желудке заурчало. Хотелось есть. Свет был мягким, почти нежным. Он не бил прямо, а отражался от камня, от стен, от земли снаружи. Я лежал там же. Лежанка жёсткая, но тёплая. Подо мной — шкуры. Надо мной — потолок. Вроде ничего не изменилось, но мир стал резче, объёмнее, живее. Зрение, давно уже не радовавшее остротой, сейчас удивляло непривычными деталями. Я прислушался к себе. Писка не было. Снаружи кричал петух, блеяли овцы, корова настойчиво напоминала хозяевам о себе. В доме, казалось, никого. Только потрескивал очаг. Я попытался встать. Тело отозвалось тупой болью — как после хорошей драки или тяжёлой работы. Но слушалось. Я медленно приподнялся на локте. Сразу вспомнил: тело всё-таки детское. Скинул шкуру, оглядел себя, прислушался к себе. Руки тонкие, ноги худые. Сила есть — но совсем другая. Та, что тянет выбежать на улицу, вскочить на велосипед и гнать куда угодно, просто потому что можно. Я сел. Голова слегка закружилась. Переждал, дыша ровно. Старый навык — не дёргаться, когда тело подаёт странные сигналы. Дом был уже не ночной. Очаг горел бодро. В котле что-то томилось. У стены стояли аккуратно сложенные дере-

вянные миски. Верёвки, связки трав, мешки — всё на своих местах. Ни хаоса, ни нищеты. Просто жизнь. Та самая, которую я помнил с детства. За низким дверным проёмом — свет и движение. Я встал. Пол дощатый, приятно холодил ступни. Я машинально начал разминать шею, повёл тазом — и тут же поймал себя на этом. Представил со стороны: осторожный, кряхтящий мальчишка, ведущий себя как старик. Мда. Видимо, придётся привыкать. Я подошёл к двери и остановился. Снаружи был двор. Каменный, ступенчатый. Выше — ещё один дом. Ниже — чей-то двор. Где-то заржала лошадь. Где-то, совсем недалеко, слышалась работа кузницы. Мир был знакомым. Тем самым, в котором я когда-то рос. Сердце коротко дрогнуло — и откуда-то изнутри, мальчишеским голосом, выплеснулось: «Жизнь хороша!» Я замер. Это опять был не я. Или уже я? — Проснулся? — раздалось за спиной. Я вздрогнул и обернулся. У очага стояла женщина, вытирая руки о тряпку. Та самая. Моя мать. Таубийче. Она несколько мгновений вглядывалась в моё лицо, потом подошла и обняла. — Мой сын, моя душа Как ты? Голова не болит? — спросила она тихо, с надеждой. — Всё хорошо — я запнулся. — Моя мать. — Как же ты нас напугал, — сказала она. — Даже твой отец, когда ты упал, два дня только воду пил. А он без мяса и дня не может. Она усмехнулась и махнула рукой: — Ладно. Иди умывайся. И сразу бегом за стол. Посмотри на себя — одни рёбра. Я кивнул и выбежал во двор. Уже на бегу поймал себя на мысли: зачем я

бегу? Ответ пришёл сразу — тело требовало движения. Сопротивляться не выходило. Во дворе стояла большая деревянная бочка с водой. Рядом — черпак. Всё просто, по-старому. Я умылся по пояс и вернулся в дом. Таубийче стояла у массивного деревянного стола. Месила тесто — уверенно, спокойно, будто вчерашнего не было и мир шёл своим чередом. — Басиат, ты уже умылся? — Да, моя мать, — ответил я машинально. Басиат. Запомни. Теперь тебя зовут Басиат. Первое твёрдое знание. Опять этот детский голос. Он уже не пугал, но заставлял замирать. Она обернулась, посмотрела внимательно, о чём-то подумала и сказала: — Садись. Сейчас поешь. Я сел на низкую скамью. Снаружи послышались шаги. В дверях появился Акбулат. В руках — вязанка дров и мешок. Он поставил их, выпрямился и посмотрел на меня. Я вскочил автоматически. Привычка. Входит старший — встань. Входит отец — встань и исчезни. Мы молча встретились взглядами. Он медленно кивнул. Я кивнул в ответ. — Доброе утро, — зачем-то сказал я. В его глазах мелькнуло удивление и тут же исчезло. — Садись. Кушай, — сказал он. Я встретил взгляд отца и кивнул. И вдруг внутри, будто кто-то очень юный рванулся из-за спины к горлу: «Это мой отец. Самый сильный на свете. Лучший в мире кузнец!» Мысль была не моей — горячая, восторженная, до дурноты чужая. У меня свело скулы. Это говорил мальчик. Мне стало не по себе. Я до сих пор не думал о том, куда делся тот, кто был здесь раньше. А если мы вдвоём в одном теле? Эй ты здесь?

Ты меня слышишь? Я отправил мысль в пустоту. Ответа не было. В голове был только я.

ЧАСТЬ I. ГЛАВА III. МИР

После завтрака мы вышли из дома вместе с матерью. Нужно было принести воды с ручья неподалёку, и, по её словам, требовалась помощь настоящего мужчины. Естественно, этим настоящим оказался я. Я невольно окинул себя оценивающим взглядом, хмыкнул и поспешил за матерью. Утро уже окончательно вступило в свои права. Солнце шло сбоку, вдоль склонов, цеплялось за камни, за крыши, за дым, поднимающийся из отверстий над очагами. Всё казалось ярким, живым. Я сделал несколько шагов и остановился. Задрал голову — и упёрся взглядом в горы. Они стояли стеной. Могучие, упирающиеся в небо, одетые в снежные папахи. Шея, привыкшая за шестьдесят лет смотреть вниз под собственной тяжестью, вдруг удивилась — смотреть вверх оказалось легко. И от этой лёгкости кольнуло под ложечкой: мир стал больше, а я в нём — меньше. Особенно рядом с ними — величавыми и молчаливыми. Село было врезано в склон, будто выросло из камня. Узкие проходы, ступени, каменные ограды. Всё сделано не «красиво», а правильно. Чтобы жить. Чтобы выстоять. Это Булунгу. Мой аул. Он выглядел иначе — но это был он. Я вдохнул. Воздух был холодный и чистый до рези. Такой, от которого сначала щекочет в носу, а потом вдруг становится легко. Пахло дымом, навозом, свежей землёй и чем-то сладковатым — травами,

наверное. Вот же он — мир моих предков. — Ну что ты встал? — мать мягко толкнула меня в плечо. — Вода сама себя не принесёт. Я отмер и пошёл. Тело радовалось движению — неосознанно. Хотелось идти быстрее, шире шагать, даже подпрыгнуть. Детское тело тянуло наружу: к пространству, к людям, к звукам. Навстречу шли соседи. Кто-то кивал матери, кто-то смотрел на меня внимательнее обычного. Я ловил эти взгляды. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то с сочувствием, кто-то с радостью. — Живой. — Вернулся. — Слава Тейри. Слышалось по ходу движения. Мы уже подходили к соседнему двору, когда раздался голос: — Таубийче! Мать обернулась и улыбнулась так, как улыбаются только близким. — Мама! По тропе поднималась женщина. Невысокая, крепкая, с прямой спиной и острым, цепким взглядом. Аккуратно завязанный платок скрывал её волосы полностью. Она шла легко, уверенно, будто возраст для неё не был помехой. Бабушка. Подказала память. Узнал её по осанке. По походке. По тому, как она смотрела. Рядом с ней, едва поспевая, почти бежала девочка. — Басиат! — крикнула она ещё издали и сорвалась с места. Она врезалась в меня всем телом, обхватила руками, прижалась так крепко, что я едва устоял. — Ты живой! — выпалила она, задыхаясь. — Живой-живой! Айкёз! Имя вспыхнуло — и вместе с ним накрыла волна: радость, восторг, облегчение. Чистые, незамутнённые эмоции — не мои. Они захлестнули с такой силой, что я на мгновение растерялся. Вот она — детская

душа. Без полутонов. Только «живой» или «мёртвый». Только «люблю» или «нет». Сестра. Мне стало тепло. И странно. И хорошо. Я неловко обнял её в ответ. — Айкёз, — сказал я. Голос был по-прежнему детский. Но сейчас это не имело значения. — Я знала, что ты очнёшься! — она отстранилась, заглянула мне в лицо, потом снова прижалась. — Я знала! Мать смотрела на нас, улыбаясь. Бабушка остановилась в трёх шагах и внимательно меня рассматривала. Она подошла ближе. Остановилась напротив. Смотрела очень долго. Во дворе стало тихо — даже петух заткнулся, а ручей внизу притих. Взгляд был тяжёлый, глубокий — не смотрит, а будто просвечивает насквозь, до самых костей, до тех мыслей, которые я сам в себе ещё не нашёл. Меня передёрнуло. Брови пожилой, суровой женщины чуть приподнялись. — Глаза другие стали, — сказала она наконец, просто и без обвинения. — Ана — начала было Таубийче, но бабушка её перебила. — Живой, — это главное. Она подошла вплотную, протянула руку и коснулась моего лба. От неё пахло травами и дымом. Ладонь была сухая, тёплая, тяжёлая. И от этого тепла по спине пробежал холодок. Воздух вокруг словно стал плотнее. Айкёз продолжала держать меня за руку, но я этого почти не чувствовал. — Мой внук изменился, — сказала бабушка и бросила на меня короткий, удивлённый взгляд. Мать дёрнулась. — Мама — в её голосе прозвучала просьба. В этот раз напрягся и я. — Ну что ж — тихо произнесла бабушка. — Тейри мудр. И убрала руку. Айкёз тут же потя-

нула меня за собой, словно боялась, что я исчезну, если отпустит. — Пойдём! — радостно затараторила она. — Я тебе такое расскажу! У тебя рот раскроется и так и останется! Она прыснула и потянула сильнее. Я облегчённо вздохнул и не без радости дал себя утянуть куда-нибудь подальше от странноватой старухи. Мы побежали — вниз по тропе, между домами, под взглядом гор. Айкёз говорила быстро, сбивчиво — так говорят только дети, которые рады не чему-то, а кому-то. А за спиной, между каменными стенами и дымом утренних очагов, остался взгляд Алтынкёз. Тяжёлый. Вдумчивый. Я чувствовал его спиной. Даже когда мы свернули за угол, даже когда Айкёз затараторила что-то про соседского щенка — этот взгляд всё ещё лежал на мне, как камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.